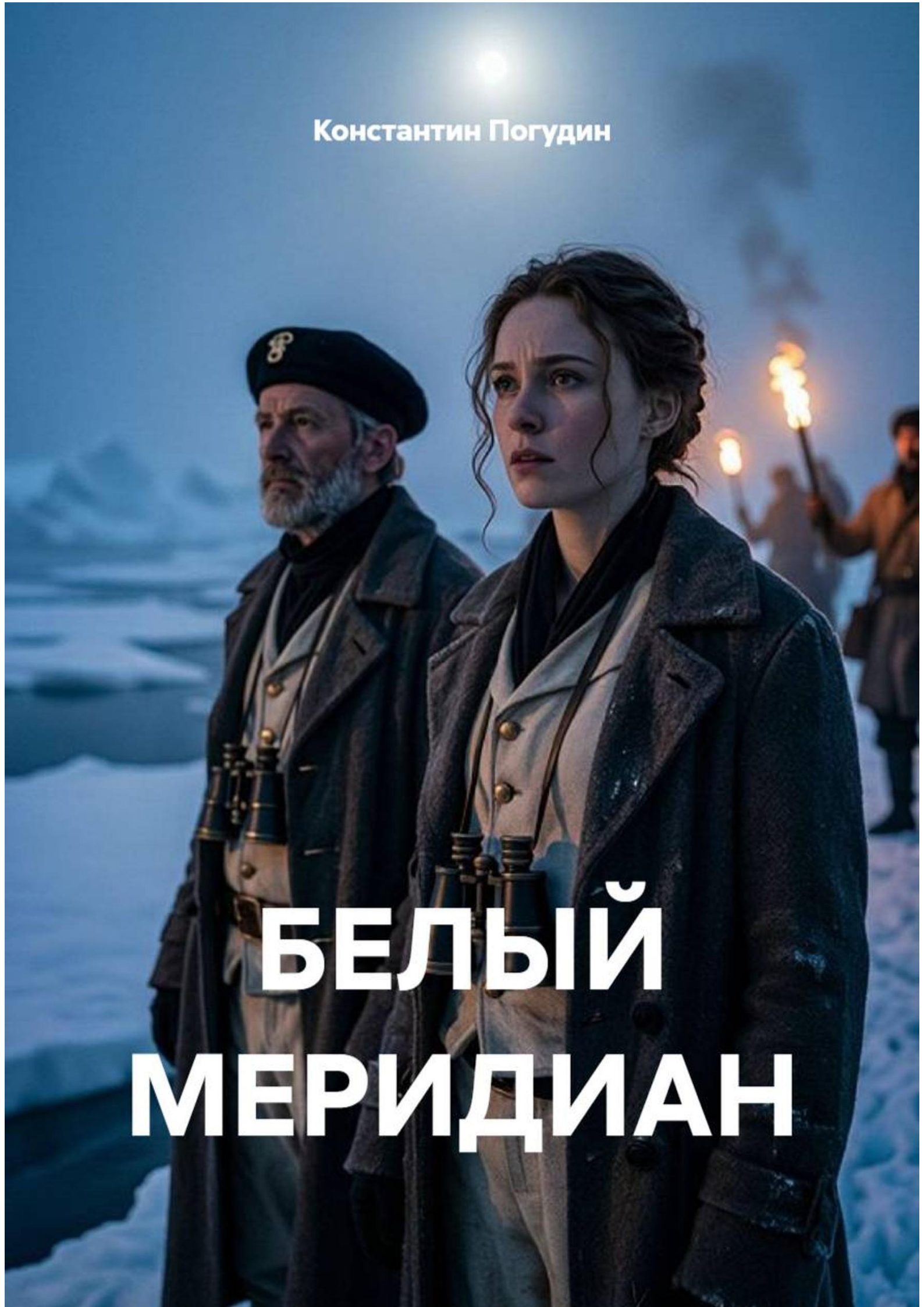

A movie poster for the film 'White Meridian'. The background is a snowy, icy landscape under a dark, overcast sky with a bright light source. In the foreground, a man with a grey beard and a black beret with a gold emblem stands next to a woman with dark hair. Both are wearing heavy, dark coats over light-colored shirts. The man has binoculars hanging from his neck. In the background, other figures are visible, some holding torches that cast a warm glow. The overall mood is somber and historical.

Константин Погудин

БЕЛЫЙ МЕРИДИАН

Константин Погудин
БЕЛЫЙ МЕРИДИАН

«Автор»

2026

Погудин К.

БЕЛЫЙ МЕРИДИАН / К. Погудин — «Автор», 2026

Девятая книга цикла о станциях. Южный океан, 1738 год. Отряд Мерсье идёт по следу десятой станции, о которой знают лишь моряки-китобои: они называют её Белым меридианом и клянутся, что в южных льдах слышен стук, зовущий на гибель. С Мерсье новый штурман, норвежка Эдда Ларсен, единственная, кто когда-либо слышал этот звук и вернулся. За кормой идут два корабля без флагов. Корнелис Брандт, бывший секретарь ван Ромондта, ведёт погоню через ревушие сороковые широты, туман и дрейфующие льды, а на борту «Эндрахта» кто-то подаёт ему тайные сигналы. Брошенная «Горгона», столбы с убывающим счётом зарубок и ледяной мост, который держится, пока поёт Хину, ведут отряд всё глубже на юг. Под шельфовым льдом их ждёт станция-собор, где семнадцать лет слушает замёрзший экипаж «Горгоны». Одиннадцатый удар должен нанести тот, кто не слышит, и это оказывается не тот человек, которого все ждали.

© Погудин К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

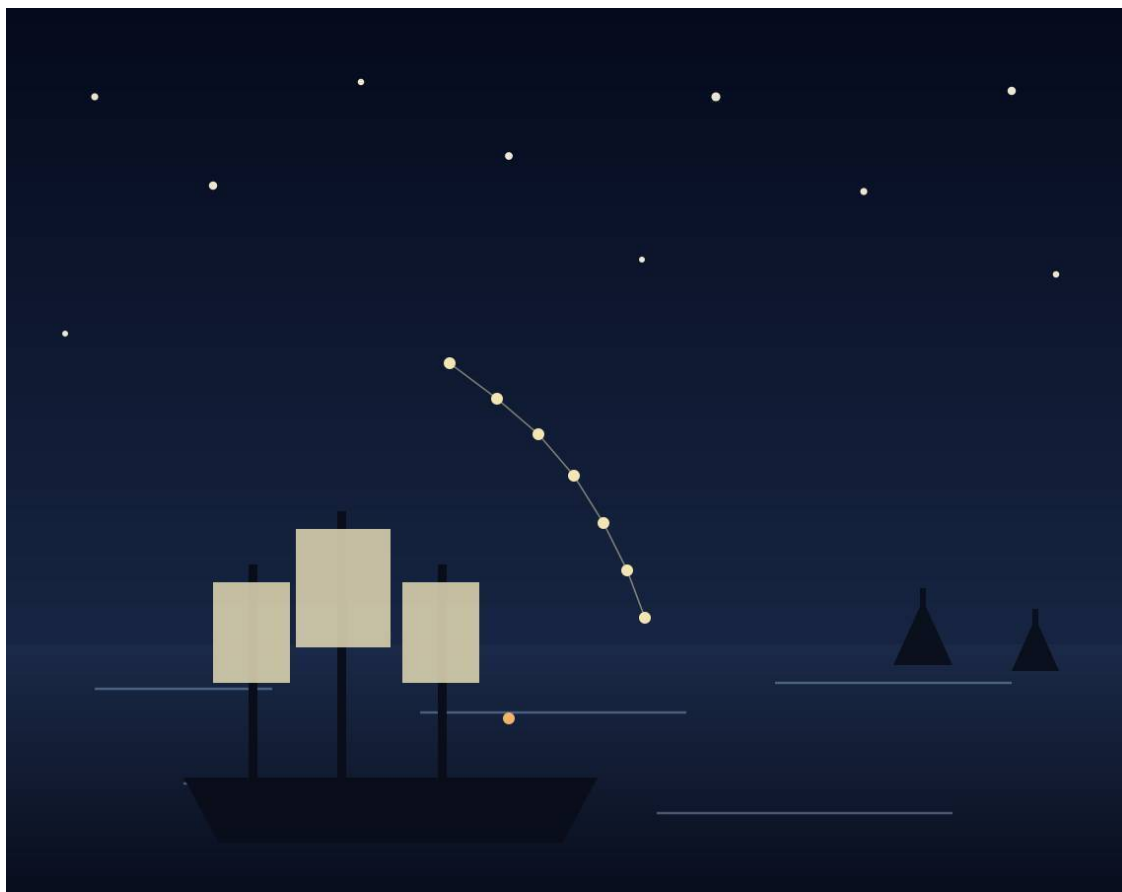
ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	9
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Константин Погудин

БЕЛЫЙ МЕРИДИАН

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Письмо с острова Пасхи

На двенадцатый день после острова Пасхи «Эндрахт» шёл на запад в сплошном золотом безветрии, и Мерсье впервые за много недель позволил себе спать по ночам.

Он просыпался на рассвете, когда в каюте было ещё серо, и лежал, слушая, как скрипят шпангоуты и как наверху, на палубе, босые ноги вахтенных ходят по доскам. Ему снилось одно и то же: тёмный шар, девять светящихся точек и две пустые. Он видел их так же ясно, как и в ту ночь на склоне. Но каждый раз, когда он пытался приблизиться к южной, шар поворачивался, и вместо точки оставалось белое пятно, похожее на слепое пятно в глазу.

Он садился на койке, находил на ощупь блокнот и записывал: «Юг. Белое». Потом долго смотрел на слова, не понимая, зачем их пишет.

— Вы опять не завтракали, сказала Йоханна, входя в кают-компанию.

— Я думаю.

— Думать можно и с кашей.

Она поставила перед ним миску, села напротив и стала разливать чай. За эти недели она сильно изменилась: загорела, обветрилась, на руках у неё появились мозоли от верёвок, и она,

кажется, перестала замечать, что на ней уже полгода одно и то же платье, перешитое Хейлом из парусины.

Торн сидел в углу, склонившись над столом, и чертил. Перед ним лежали разложенные листы: те самые, где он записывал каждую минуту лунного часа. Рядом стоял хронометр. Торн уже пятый день не выходил на палубу.

— Нашёл что-нибудь? Спросил Мерсье.

— Нашёл. Торн не поднял головы. И не нашёл. Идите сюда.

Мерсье подошёл. На листе была нарисована земля, разрезанная пополам, а по обеим сторонам тянулись тонкие линии, которые Торн провёл через девять известных станций.

— Смотрите. Я взял девять точек и построил через них большой круг. Он должен был показать, где лежат остальные две. Но...

— Но?

— Девять станций не лежат на круге. Торн потёр красные от бессонницы глаза. Они лежат на меридиане. На одном. Если провести от Гарца через Яву и Пасху, то выходит, что все они... Нет, не так. Подождите.

Он взял другой лист, на котором были цифры, много цифр, и ткнул пальцем в нижнюю строку.

— Вот. Если разложить по долготе, то станции делятся на три группы по три. Каждая тройка лежит на своём меридиане. Мы прошли два. Третий...

— Тот, что на юге, сказал Мерсье.

— Нет. Тот, что южнее всего. Торн поднял глаза, и Мерсье увидел в них холодный, трезвый, почти испуганный блеск. Девятый луч не показал нам остров. Он показал нам место, которого нет на моих картах. Широта выше шестидесяти. Может быть, выше шестидесяти пяти.

— Там лёд.

— Там всё. Лёд, туман, шторма, и никто никогда не возвращался оттуда, чтобы рассказать, что именно.

В тот же день, под вечер, к ним пришла Хину.

Она появилась на пороге каюты тихо, как всегда, и постояла, пока Мерсье не заметил её. На ней был тот самый жёлтый плащ, потёртый, зашитый в нескольких местах, и в руках она держала карту-палочки, ту, с которой начинала путь от Рапа-Нуи.

— Я хотела показать вам, сказала она. Вчера ночью. Вы не спали?

— Нет.

— Тогда вы, может быть, видели.

Она подошла к столу и положила карту поверх бумаг Торна. Палочки, связанные нитями, образовывали сложную решётку из прутьев и раковин, и Мерсье знал, что она читает по ней океанские течения и зыбь.

— Видите эту раковину? Хину коснулась самой дальней. Она означает «место, где вода останавливается». Я думала, что это просто знак. Старики рисовали его на краю карты, потому что дальше нельзя.

— И что?

— Вчера я пришла на корму, когда луна уже зашла. Море было спокойное. И я почувствовала зыбь. Очень слабую, глубокую. Она шла с юга.

— Это нормально. Океанская зыбь...

— Нет. Она покачала головой. Она шла не так. Раз в одиннадцать ударов сердца. Ровно, как дыхание. И пахла...

— Чем?

— Холодом. Хину подняла на него тёмные серьёзные глаза. Это нехорошо. Он зовёт нас. Но слишком рано. Мы не готовы.

Торн отложил циркуль.

— Хину, ты хочешь сказать, что станция сама...

— Я ничего не хочу сказать. Я просто чувствую.

Она ушла так же тихо, как пришла, и Мерсье долго смотрел на закрытую дверь.

— Парус! Закричал вахтенный на третий день.

Мерсье выбежал на палубу вместе со всеми. Горизонт на севере был чист, но на западе, там, где небо уже начинало темнеть, виднелась чёрная точка: потом вторая, рядом.

Финч, стоявший у фальшборта, навёл подзорную трубу.

— Два судна. Трёхмачтовые. Он помолчал. Без флагов.

— Те самые? Спросил Бонвиль.

— Те самые, которые стояли мористее у острова Пасхи, ответила Блэквуд. Она стояла у штурвала, как всегда спокойная и прямая, с чуть склонённой набок головой. Я запомнила их такелаж. Они не пошли на рифы вместе с «Амстердамом». Они ушли, пока шла схватка.

— Ван Ромондт остался на острове, сказал Мерсье. Кто ими командует?

— Тот, кто умнее его.

Блэквуд повернулась к нему, и он увидел в её лице то, чего не видел давно: тень старой, настороженной хищности, которую она, казалось, давно оставила на другом океане.

— Я знаю этих людей. Я служила рядом с некоторыми из них. Они не бросают добычу. Они ждут, пока она сама приведёт их к цели.

— Нас ведёт луч.

— Вот именно.

Два чёрных паруса медленно уходили к горизонту, и в наступающих сумерках они напоминали два крыла огромной птицы, которая кружит над кораблём и никуда не торопится.

В ту ночь Мерсье сел писать письмо.

Он знал, что отправить его не удастся: до первого порта оставалось не меньше двух месяцев. Но ему нужно было сказать это вслух, пусть даже бумаге.

«Дорогой Ван Дейк, писал он. Мы нашли девятую станцию и открыли её. Остров Пасхи принял нас, и я не могу описать, что мы видели. Скажу только, что вы оказались правы: это не обсерватория и не храм. Это инструмент, и он ещё не закончил свою работу.

Остаются две. Одна на севере, одна на юге, и я не знаю, какая из них опаснее. Торн считает, что южная лежит там, где нет земли, но я чувствую, что земля там есть, только она другая, чем мы привыкли.

Я знаю, что вы просили не идти дальше без вас. Но у нас нет времени ждать. Ван Ромондт сломлен, но те, кто был с ним, не остановятся. За нами идут два корабля, и я не знаю, чего они хотят на самом деле.

Если со мной что-нибудь случится, скажите Нини Ратне, что она была права насчёт цифры одиннадцать. Она знала это лучше нас всех.

Ваш Мерсье».

Он перечитал письмо дважды, сложил, запечатал и положил в шкатулку рядом с хронометром. Потом погасил лампу и вышел на палубу.

Ночь была ясная. Звёзды стояли густо, незнакомые, южные, и среди них, низко над горизонтом, светилась цепочка из одиннадцати, которую он уже научился находить. Теперь она не дрожала и не изгибалась. Она висела неподвижно и указывала прямо вниз, на юг, на невидимый край океана.

К нему подошла Ууна. Она была босая, в одной рубашке, и в тёмных волосах её запутался ночной ветер.

— Мне снился лёд, сказала она.

— Мне тоже.

— Там кто-то есть.

— Люди?

— Не знаю. Она посмотрела на звёзды. Но когда мы придём, он нас уже будет ждать.

Мерсье положил руку ей на плечо, и они долго стояли вдвоём, глядя на юг, пока «Эендрахт» медленно резал чёрную воду, а за кормой, далеко-далеко, шли два корабля без флагов.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Мыс Доброй Надежды

Столовая гора встала из моря в апрельское утро, плоская, огромная, закутанная в белую скатерть облаков, и Торн, впервые за шесть недель вышедший на палубу, долго смотрел на неё, прижмурившись.

— Двадцать три дня до срока, сказал он наконец. Я рассчитывал на двадцать пять.

— Какого срока? Спросил Мерсье.

— До того, как ветры на юге повернут. Мы должны успеть выйти за сороковую параллель до конца мая. Потом начнётся зима, и никакой штурман не рискнёт идти к льдам.

— Значит, у нас три недели на подготовку.

— Если Кап не задержит.

Кап задержал.

Кейптаун, голландская фактория на краю Африки, встретил их запахом соли, овечьей шерсти и дыма из труб. Улицы были чисты, как в Амстердаме, дома белые, и над всем этим, как стража, стояла гора. Гарнизонные солдаты в синих мундирах осматривали каждый корабль в порту.

— Нам нужен лёд, сказал Мерсье коменданту порта. То есть меха. Тёплая одежда. Масляные фонари, провиант на четыре месяца и хороший штурман.

— Для чего?

— Для научной экспедиции. Мы изучаем южные течения.

Комендант, плотный краснолицый человек с бородавкой на щеке, посмотрел на него так, как смотрят на сумасшедшего.

— На юг? Дальше мыса Игольного никто не ходит. Там нет ничего, кроме льдов и шквалов. Ваши предшественники, он понизил голос, пропали все.

— Какие предшественники?

— Три года назад одно судно пошло. Француз, кажется. Вернулся наполовину. Те, кто выжил, рассказывали странное.

— Что именно?

— Что слышали стук. Комендант пожал плечами. Из воды. Я не верю в сказки, мерсье, но матросы такие вещи запоминают. Ищите штурмана в «Золотом якорь». Скажите хозяину, что вас послал я. Только не обещаю, что кто-нибудь согласится.

Харчевня «Золотой якорь» стояла на набережной, низкая, прокопчённая, с вывеской, которую ветер гнул и скрипел всю ночь. Внутри пахло жареной рыбой и дёгтем, и за длинным столом сидели те, кого называют «морскими людьми»: китобои, шкипера, беглые матросы, торговцы и просто бродяги.

Мерсье вошёл вместе с Блэквуд и Торном, и все головы на секунду повернулись к ним. Потом отвернулись.

— Нам нужен штурман для южных вод, сказал он хозяину. Опытный. Тот, кто бывал у льдов.

Хозяин, одноглазый толстяк в фартуке, хмыкнул и кивнул на дальний угол.

— Есть один. Вернее, одна. Но я бы не советовал.

Она сидела за столом одна, спиной к стене, перед пустой кружкой, и когда Мерсье подошёл, медленно подняла голову.

Ей было лет тридцать пять. Высокая, плечистая, с обветренным лицом и светлыми, почти белыми волосами, заплетёнными в тугую косу. Одета она была в старый шерстяной бушлат, кожаные штаны и грубые сапоги, и по тому, как она сидела, было видно, что она провела на палубе больше времени, чем на суше.

— Вы Эдда Ларсен? Спросил Мерсье.

— Я.

— Мне сказали, что вы бывали у льдов.

— Меня зовут Эдда. А льды тоже бывали у меня. Голос у неё был низкий, с лёгким северным акцентом, и говорила она по-французски медленно, подбирая слова. Вам что надо?

— Штурмана. Для плавания на юг.

— Куда именно?

— Выше шестидесятой параллели.

Она молчала так долго, что Мерсье подумал, что она не расслышала. Потом усмехнулась, коротко, без веселья.

— Знаете, сколько человек за последние десять лет предлагали мне такое? Трое. Двое умерли до отплытия, третий утонул у Игольного мыса. Она подняла пустую кружку, взглянула на доньшко. Я не иду на юг. Мне это не нужно.

— Мы заплатим.

— Я не бедная.

— Это не вопрос денег, сказала Блэквуд.

Эдда повернула голову. Она посмотрела на Блэквуд внимательно, как смотрят на бывшего противника.

— Вы капитан?

— Бывшая.

— Тогда вы понимаете.

— Понимаю. Блэквуд села напротив, не спрашивая разрешения. Я знаю, что такое идти туда, откуда не возвращаются. Но мы идём не за добычей. Мы идём за тем, что нельзя оставлять.

— Красиво. Эдда достала из кармана трубку и стала её набивать. Только все так говорят. Разговор мог бы кончиться ничем. Но в этот момент дверь харчевни отворилась, и вошла Хину.

Она никогда не умела входить незаметно. Жёлтый плащ, тёмное лицо, длинные чёрные волосы, перехваченные ремешком: в Кейптауне, где почти все были бледными и светловолосыми, она казалась пришельцем с другой планеты. Но Хину не смутилась. Она прошла между столами, как проходят по улице, где никого нет, остановилась у стола Эдды и положила на него что-то маленькое.

Розовую раковину.

— Откуда вы это взяли? Спросила Эдда, не двигаясь.

— Не я. Другая.

— Падма? спросил Мерсье.

— Она попросила меня принести. Сказала, что поймёт.

Эдда взяла раковину и поднесла к уху. Закрыла глаза. Прошла минута: шумная харчевня вокруг, звон кружек, смех, а она сидела, как деревянная.

Потом открыла глаза.

— Сколько вас? Спросила она.

— Двадцать четыре человека на борту.

— Корабль?

— «Эндрахт». Трёхмачтовик, сто пятьдесят тонн.

— Для льдов слабоват. Она положила раковину на стол. Ладно. Скажите, что вы слышали на островах.

— Стук, сказал Мерсье. Одиннадцать ударов.

Эдда вынула трубку из рта.

— Мне рассказывал старик, когда я была девчонкой, сказала она негромко. Он плавал на гренландском китобое. Он говорил, что в южных морях есть линия, которую нельзя пересекать зимой. Белый меридиан. Моряки так её называют. Кто пересёк, тот слышит стук подо льдом, как будто кто-то зовёт. А кто слышит, тот идёт на звук и не возвращается.

— Вы в это верите?

— Нет. Она улыбнулась по-настоящему, впервые. Но я слышала. Один раз. Мне было девятнадцать, мы шли у сорок пятой параллели, был штиль, и я стояла на вахте. Это была ночь, ровно такая же, как эта. Одиннадцать ударов. Я не сказала никому. Решила, что схожу с ума.

Она встала.

— Я иду с вами.

— Почему? Спросил Торн.

— Потому что вы первые, кто мне не соврал. Она накинула бушлат. И потому что мне надо знать, было ли это на самом деле.

К вечеру «Эндрахт» принимал грузы.

Мерсье стоял на пристани и смотрел, как матросы таскали на борт бочки с солониной, мешки с сухарями, свёртки овчины и непромокаемые плащи из просмоленной парусины. Йоханна, стоявшая у трапа со списком, отмечала каждую позицию карандашом, и лицо её было сосредоточенно-спокойным.

— Хейл говорит, что нужны ещё две бочки лимонного сока, сказала она. Цинга на юге не шутит.

— Купим.

— И Эдда хочет заменить два паруса. Говорит, что наши не выдержат первого же шторма.

— Тоже купим.

Она хмыкнула.

— Вы стали покладистым, Огюстен.

— Я стал тем, кто понимает, что не справится в одиночку.

Йоханна подняла на него глаза и, кажется, хотела что-то сказать, но не сказала.

Невдалеке, на внешнем рейде, где стояли торговые суда со всего света, Мерсье заметил два незнакомых корабля. Они были далеко, у самого горизонта, и на них не было ни огней, ни флагов. Тонкие тёмные мачты рисовались на фоне вечернего неба, как чёрточки, нанесённые тонким пером.

— Те самые? Спросил он негромко.

Блэквуд, стоявшая рядом, не повернула головы.

— Те самые, ответила она. Они не пошли в порт. Значит, не хотят, чтобы кто-то знал, кто они.

— Что нам делать?

— Выйти раньше срока. Она помолчала. Завтра на рассвете.

— Но груз...

— Погрузим ночью.

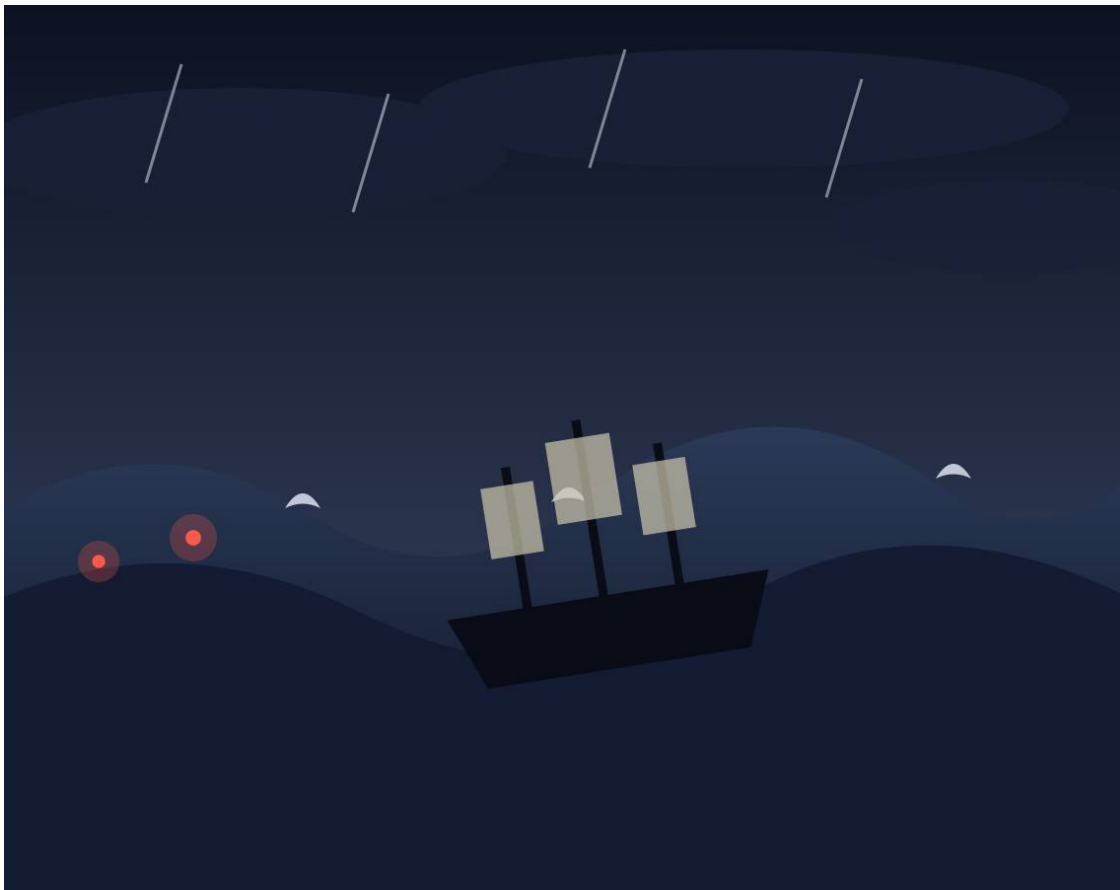
Мерсье кивнул. Вдали, над Столовой горой, догорала последняя полоска заката, и город внизу уже зажёл первые огни, жёлтые, тёплые, домашние. Он смотрел на них и вдруг подумал, что они могли бы остаться здесь: переждать, подождать, поспать в настоящих постелях.

Но Хину была права. Его звали, и звали слишком рано, а это значило, что кто-то другой уже услышал тот же зов.

Он повернулся и пошёл к трапу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Сороковые широты

Моряки называют их «ревущими», и первые три дня Мерсье не понимал почему.

Он стоял на шканцах, держась за леер, и смотрел, как «Эндрахт» поднимается и опускается на огромной, ровной, серой зыби. Ветер был крепкий, но ровный, западный, и корабль шёл ходко, кренясь на правый борт, с туго набитыми парусами. Волны катились мимо, длинные, как холмы, и над ними кружили, не двигая крыльев, огромные птицы с размахом крыльев в двенадцать футов.

— Альбатросы, сказала Эдда, проходя мимо. Не гладьте их, они кусаются.

— Я не собирался.

— Все собираются. Она остановилась и прищурилась на горизонт. Красиво, правда?

— Очень.

— Это ненадолго.

Она оказалась права. Через три дня барометр, который Торн привязал к переборке каюты, начал падать так быстро, что тот постучал по нему пальцем, не веря, и вышел на палубу бледным.

Первым их догнал не шторм.

Это было на утро четвёртого дня, когда ветер вдруг стих и воздух приобрёл ту резкую, пронзительную ясность, которая бывает перед большой бурей. Дозорный на фок-мачте закричал, и Мерсье увидел оба корабля.

Они шли за кормой милях в трёх, один правее другого, как две ищейки, взявшие след. Теперь, при свете, можно было разглядеть их ясно: тёмные корпуса, парусное вооружение нового образца, пушечные порты, закрытые, но проглядывавшие чёрными прямоугольниками вдоль бортов. На мачте переднего наконец поднялся флаг: белый, с красным косым крестом.

— Голландская Ост-Индская компания, сказал Финч, опустив трубу. Или кто-то, кто хочет, чтобы мы так думали.

— Они сигналият, заметил Бонвиль.

Действительно, на гафеле переднего корабля поднялись флажки.

— «Прошу переговоров», перевела Блэквуд, читавшая сигналы быстрее всех. Мы можем отказаться.

— И что будет?

— Они станут стрелять.

Мерсье посмотрел на Эдду. Та пожала плечами.

— У нас хода больше, чем у них. Но не в шторм. Сегодня ночью ветер повернёт, и они нас достанут. Лучше поговорить, пока светло.

— Хорошо, сказал Мерсье. Убавьте паруса.

Шлюпка с чужого корабля подошла через полчаса. В ней сидели двое: гребец и пассажир.

Пассажир поднялся на палубу без помощи, легко, как поднимаются по знакомой лестнице. Он был невысок, сухощав, лет тридцати пяти, с гладко выбритым лицом и внимательными серыми глазами. Одет он был просто: серый кафтан, чёрные чулки, шляпа без перьев. Если бы не шпага, его можно было бы принять за нотариуса.

— Месье Мерсье, сказал он. Корнелис Брандт. Бывший секретарь господина ван Ромондта, ныне капитан «Вальхерена» и «Зеехонда». Он коротко, вежливо поклонился. Позвольте выразить уважение. То, что вы сделали на острове Пасхи, было достойно внимания.

— Вы видели?

— Издали. Мы стояли за мысом. Я наблюдал лучи и считал: одиннадцать, из них девять отозвались. Он улыбнулся одними глазами. Господин ван Ромондт, к сожалению, не знал, что считать нужно было именно так.

— Где он теперь?

— На острове. Кажется, помогает сажать картофель. Я слышал, он научился неплохо копать. Брандт слегка пожал плечами. Человек, которого я уважал, превратился в огородника. Сильное впечатление.

Мерсье почувствовал, как у Блэквуд, стоявшей рядом, напряглись плечи.

— Что вам нужно, капитан?

— То же, что и вам. Девятая станция принадлежит вам. Десятая и одиннадцатая никому. Я предлагаю договориться.

— Мы не договариваемся.

— Знаю. Господин ван Ромондт предлагал то же самое, и вы отказали. Но у меня другое предложение. Он сложил руки за спиной. Вы нужны мне живыми. Все: и три голоса, и девочка с палочками, и штурман. Вы откроете станцию. Я только подожду. Потом мы разойдёмся.

— Вы возьмёте результат, сказала Хину, которая вышла на палубу и стояла у грот-мачты, закутанная в жёлтый плащ.

— Я возьму то, что останется. Брандт повернулся к ней и улыбнулся более тепло. Вы умны, мадемуазель. Вы правы. Но выбор у вас небогат. Идёте ли вы со мной или без меня, я всё равно иду следом. Лучше знать, что я рядом.

— Это угроза? Спросил Торн.

— Это информация. Угрозы я делаю письменно.

Он поклонился ещё раз, спустился в шлюпку и помахал рукой на прощанье. Через пять минут шлюпка растворилась среди волн.

- Он ужасен, сказала Йоханна.
- Он вежлив, возразил Бонвиль.
- Вот именно.

Блэквуд молчала. Она стояла у штурвала, глядя на «Вальхерен», который снова поднимал паруса, и губы её чуть двигались, будто она что-то считала.

— Он не блефует, сказала она наконец. Такие люди не блефуют. У него два корабля, двадцать шесть пушек на каждом и экипаж, готовый делать то, что он скажет. Мы можем попытаться уйти, но в шторм он нас всё равно найдёт.

- Значит, нужно уйти раньше, чем начнётся шторм, сказала Эдда.
- Невозможно.
- Не обязательно. Эдда повернулась к Мерсье. Вы знаете, как идёт шторм в сороковых?
- Нет.

— С запада, широкой стеной. Но в центре он стоит почти неподвижно. Если успеть вклиниться между фронтами, то можно пройти, как по узкому коридору. Корабль потрясёт, но он выдержит. А тот, кто идёт следом, потеряет нас в первую же ночь.

- А если ошибёмся?
- Тогда умрём. Она улыбнулась. Но «Вальхерен» тоже.

Мерсье оглядел палубу. Матросы стояли молча, обернувшись к нему, и он понял, что все слышали. Хейл с бледным лицом держался за борт. Финч сжимал в руках пеньковый конец.

- Решайте, сказала Блэквуд тихо. Вы капитан экспедиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.